

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'42

Н.С. Бельская

РЕЧЕВОЕ ДЕЙСТВИЕ «ЗАПРОС НА ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ» В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ГРУППОВОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ СООБЩЕСТВОМ (ПРЕСТУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ)

Представлен методологический подход к лингвистической экспертизе групповой коммуникации по делам, связанным с противодействием организованной преступности, с позиций организационной лингвистики и лингвистически ориентированных методов теории систем. Выявление речевого действия «Запрос на принятие решения» предлагается как прием исследования конфигурации коммуникативной сети группы, отражающей ее иерархическую структуру, состоящую из точек принятия решений и информационных потоков к ним.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза; преступное сообщество; преступная организация; теория речевых актов; теория дискурса; организационная лингвистика; речевое действие «Запрос на принятие решения»; групповая коммуникация; статусы и роли в группе; коммуникативная сеть.

В числе приоритетных направлений для правоохранительной системы нашей страны остается борьба с агрессивной, изощренной по характеру преступностью, действующей посредством организации преступного сообщества (преступной организации). Возрастающая актуальность обращения к судебной лингвистической экспертизе по делам, связанным с противодействием организованной преступности экономической направленности, террористической и экстремистской направленности, обусловлена тем, что эффективность их расследования и раскрытия зависит от использования в доказывании криминалистически значимой информации, которая передается в дискурсе общения между членами преступного сообщества по техническим каналам связи, регистрируется и записывается сотрудниками оперативных подразделений.

Субъектами организованной преступной деятельности выступают террористическое сообщество (ст. 205.4 УК РФ), террористическая организация (ст. 205.5. УК РФ), преступное сообщество (ч. 4 ст. 35, ст. 210 УК РФ), экстремистское сообщество (ст. 282.1 УК РФ), экстремистская организация (ст. 282.2 УК РФ). В этот же перечень необходимо было бы включить и некоммерческую организацию, посягающую на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ). Ярким примером преступлений, совершаемых, как правило, посредством организации преступного сообщества (преступной организации), являются также незаконные организация и проведение азартных игр (ст. 171.2 УК РФ) [1].

В задачи расследования входит установить, какая же преступная деятельность является стержневой (определяющей, базовой), служащей главным средством достижения намеченных преступных целей, а также обеспечивающей получение незаконных доходов как преступный постоянный бизнес, и выявить технологии, схемы, шаблоны и паттерны совершения преступных деловых операций; затем установить дифференцированные функциональные роли и статусы членов сообщества во взаимосвязи их действий, исходя из этого индивидуализировать их роль и вину;

доказать вину организатора и руководителя, проследив основополагающие связи управления, а также волевою деятельность в распределении доходов. Эти элементы предмета доказывания обладают существенной спецификой при совершении преступления организованным преступным сообществом, преступной организацией, по сравнению с группой лиц по предварительному сговору или организованной группой [2. С. 35].

Так, определение реального статуса лиц в рамках совместной незаконной деятельности затруднено ввиду сложного внутреннего строения преступного сообщества (преступной организации), включающего относительно автономные и дифференцированные по функциональной роли группы, деятельность которых координируется и направляется единым управленческим органом, а также ввиду наличия многоуровневой разветвленной иерархической структуры, в которой руководством занимаются уполномоченные лица, организаторы же преступной деятельности осуществляют контрольно-надзорные функции [3], применяя методы обмена информацией без визуальных контактов и минимизируя связи с подчиненными. В связи с этим «привлечение к ответственности лиц за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) по-прежнему остается проблематичным» [4. С. 14].

Проведение судебной лингвистической экспертизы по данной категории дел позволяет следствию получить системную информацию о речевых признаках, свидетельствующих об институциональном, организационном характере дискурса общения, о предметно обуславливающей содержание разговоров специфике совместной деятельности говорящих, о статусном иерархическом положении, функциях и ролях участников коммуникации в преступном сообществе (преступной организации).

Настоящая статья ставит следующие задачи:

1) обосновать необходимость разработки объемной модульной методики лингвистической эксперти-

зы групповой коммуникации в таких разновидностях организованных криминальных структур, как преступное сообщество (преступная организация);

2) представить методологический подход с позиций организационной лингвистики и лингвистически ориентированных методов теории систем к исследованию дискурса внутригрупповой коммуникации в преступном сообществе (преступной организации);

3) эксплицировать высокие объяснительные возможности теории речевых актов при анализе прагматической составляющей групповой коммуникации на примере одного из этапов судебной лингвистической экспертизы, проведенной по уголовному делу, возбужденному по фактам незаконных организации и проведения азартных игр (ст. 171.2 УК РФ) и организации преступного сообщества (преступной организации) и участия в нем ней) (ст. 210 УК РФ).

По делам, касающимся групповых преступлений, в настоящее время в научный оборот введены ведомственные методические разработки, преимущественно ориентированные на лингвистическое исследование речевого дискурса в сфере наркобизнеса. Как наиболее репрезентативные можно обозначить разработку методики психолого-лингвистического исследования устной речи по записям телефонных и иных разговоров при расследовании преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), Москва, ГУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2008 (Методика 2008) и алгоритмы лингвистического анализа, применяемые специалистами экспертно-криминалистических отделов ФСКН России (представлена, к примеру, в [5, 6]).

Вместе с тем методологический подход, узко ориентированный лишь на одну из сфер деятельности организованной преступности, может стать только одним из краеугольных камней в основании необходимой, на наш взгляд, объемной модульной методики проведения лингвистической экспертизы по категории дел, квалифицирующим признаком которых является совершение преступлений преступным сообществом (преступной организацией).

В [6] справедливо отмечается, что «современная теория судебной экспертизы, к сожалению, не располагает научно обоснованными и апробированными методиками лингвистического исследования продуктов речевой деятельности, связанными с расследованием преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией). <...> подобные исследования осуществляются, как правило, без учета теоретических положений науки уголовного процесса, криминалистики и теории судебной экспертизы и часто не соответствуют практике (а иногда и действительности)» [Там же. С. 113].

Как представляется, эффективность производства лингвистических экспертиз по данной категории дел пропорциональна:

1) разработанности «операциональной базы» исследования по различным составам преступлений, совершаемых преступным сообществом (преступной организацией), в которую Н.Ю. Мамаев обоснованно включает

коммуникативную ситуацию, контекст, семантическое поле, когнитивно-пропозициональную структуру концепта совместной групповой деятельности или ядро концептосферы и его компоненты [5. С. 360];

2) объяснительным возможностям применяемой методики анализа уровневой иерархии, функций, ролей и статусов членов сообщества и / или организации;

3) соответствии проведенного исследования компетенции эксперта-лингвиста, что исключает вторжение в сферу компетенции правоприменителя, в частности, при формулировке в заключении эксперта характеристик партнеров коммуникации по их статусно-ролевым функциям.

Практика проведения лингвистических экспертиз по данной категории дел еще раз подтверждает правоту замечания Н.Д. Голева о том, что «разрешающая способность» лингвистической экспертизы при проведении сложных исследований, требующих обращения к новейшим научным методам, зачастую балансирует «между стремлением к глубине и многоаспектности лингвистического анализа и стремлением к соответствию тем понятиям и фреймам, которые заложены в юридических вердиктах, условных по отношению к языковым реалиям и к отражающим их лингвистическим понятиям» [7. С. 25].

В данном случае лингвистический и юридический аспекты проблемы равно определяют необходимость дальнейших научных разработок в сфере судебно-экспертного лингвистического исследования групповой коммуникации по делам, связанным с противодействием организованной преступности:

1) потребность в применении единой объемной модульной методики лингвистической экспертизы с более высокими объяснительными возможностями для исследования коммуникации в преступном сообществе (преступной организации) как наиболее диверсифицированной по отраслям и сферам деятельности криминальной структуре и наиболее сложной и опасной форме соучастия по сравнению с группой лиц по предварительному сговору и организованной группой;

2) развитие междисциплинарных связей лингвистики и теории организации, которое способствовало формированию организационной лингвистики – направления прикладного языкознания, ориентированного на применение методов научной лингвистики в деловой практике – изучения коммуникативного дискурса организации, отражающего иерархизированную структуру взаимодействия и взаимовлияния сотрудников в рамках совместной деятельности.

Практикуемая наиболее часто методическая основа лингвистической экспертизы дискурса коммуникации при расследовании преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), зиждется на «трех китах»:

а) выявление концепта совместной деятельности участников коммуникации;

б) выявление речевых признаков институциональной групповой коммуникации;

в) выявление речевых признаков статусного иерархического положения, функций и ролевого соотношения участников внутригрупповой коммуникации в рамках совместной деятельности.

Остановимся на перспективах методического совершенствования данных этапов лингвистической экспертизы групповой коммуникации.

Первый этап традиционно основывается на лексико-семантическом, компонентном, контекстуальном анализе, когнитивно-дискурсивном подходе и ориентирован на структурирование речевого материала и идентификацию в содержательно-тематическом плане концепта той или иной совместной практической деятельности. Объективность и верифицируемость результата работы эксперта здесь будут зависеть от степени научной разработанности концепта-эталона, с которым необходимо сопоставить концепт, с той или иной степенью детализации регулярно реализуемый в исследуемом дискурсе общения.

К настоящему времени для методического и операционального обеспечения лингвистического судебно-экспертного исследования был содержательно описан только концепт «наркотики». На речевом материале 373 фонограмм телефонных переговоров, фигурирующих в рамках уголовного дела, возбужденного по фактам незаконных организации и проведения азартных игр (ст. 171.2 УК РФ) и организации преступного сообщества (преступной организации) и участия в нем / ней (ст. 210 УК РФ), нами предварительно разработано содержание концепта «игорный бизнес». Подобные исследования необходимы в контексте иных сфер деятельности преступных сообществ (преступных организаций).

Второй этап определяет коммуникативную ситуацию общения исследуемой интеракции – институциональная или же обиходно-бытовая – и основывается на ряде валидных и широко применяемых теорий, но в конечном итоге зависит от успешности расшифровки «разовых кодов» и речевых актов маскирования смыслового содержания, что обуславливается уровнем концептуальной подготовки эксперта к проведению лингвистической экспертизы по соответствующей категории дел.

Третий этап представляет собой анализ прагматической составляющей коммуникативной ситуации изучаемого дискурса общения, и, как показывает опыт, в каждом конкретном случае требует подхода, скорее приближенного к индивидуальному, нежели обобщенному. При построении более «чувствительной» методики, прежде всего, необходимо учитывать границы применимости методов, так как в конкретном случае их использование может «вскрывать» лишь вероятные, но не диагностические признаки.

Так, в [6], в том числе, предлагается выделение таких признаков, как:

1. «Степень знакомства участников (использование разговорных форм приветствия и прощания, разных форм обращений («ты / вы», по имени, кличке, фамилии, терминов родства и наименований социальных ролей)» [Там же. С. 114]. Однако при анализе

коммуникации в криминальных организациях сетевой структуры, имеющих две и более ступеней управления, степень близости личного знакомства коммуникантов не всегда может представлять исследовательский интерес.

2. «Отношения между собеседниками (формальные, неформальные, основанные на деловом сотрудничестве, общих интересах, родственных связях, личных симпатиях и т. д.)» [6. С. 115]. Вместе с тем, как показывает опыт, в подразделении преступного сообщества речевые признаки статуса могут быть контекстуально нейтрализованы в силу каких-либо причин (дружеские или родственные отношения между говорящими, помимо деловых, постоянное близкое сотрудничество в рамках одного организационного или производственного процесса, дополнительная связь наставничества-ученичества в рамках производственных отношений и т.п.), в связи с этим для разграничения организаторов и исполнителей диагностически более целесообразным представляется выявление речевых признаков, указывающих на то, кто несет ответственность за те или иные виды решений.

3. «Речевое поведение общающихся (кто из участников определяет содержание и композиционную структуру диалога, задает направление развития тем и их связь); анализ семантико-синтаксических, лексико-грамматических, лексико-семантических и интонационных средств, используемых говорящими для выражения волеизъявлений (предупреждений, запретов, распоряжений, указаний, требований, просьб, а также разрешений на осуществление конкретных действий), позволяющий определить соотношение статусных ролей коммуникантов <...> и их коммуникативную активность (степень активности, настойчивость в выражении цели, количество иницирующих и реагирующих речевых поступков, эмоциональная вовлеченность в беседу, проявление волевого воздействия на собеседника и т.п.)» [Там же].

Действительно, коммуникативная инициатива – это дискурсивный критерий, по которому можно определять лидерство в его социально-психологическом смысле. Тем не менее проведение названных исследовательских процедур на материале объемом в сотни фонограмм в условиях неочевидности является трудоемкой и затратной по времени экспертной задачей, решение которой в итоге может оказаться неоправданным для ответа на поставленные следствием вопросы.

Так, М.Л. Макаров отмечает, что соотношение коммуникативного и социально-психологического, или «административного», лидерства вызывает ряд вопросов. Категория коммуникативной инициативы как дискурсивно-психологический фокус характеризует само дискурсивное взаимодействие личностей и их стратегий в конкретном коммуникативном эпизоде, т.е. воплощает актуализацию разнообразных аспектов коммуникативной и социальной компетенции собеседников, но может не совпадать с проигрыванием ими в диалоге соответствующих ролей [8. С. 217].

Коммуникативная инициатива проявляется в разных признаках и свойствах дискурса, причем каждый

из этих признаков, взятый изолированно от других, может и не означать владения инициативой, но некоторая их совокупность позволяет определить, кто из участников диалога владеет коммуникативной инициативой. На уровне индивидуальных коммуникативных ходов – это преобладание предписывающих ходов, обычно инициативных: вопросов, приказов, просьб и др., но сам по себе это довольно слабый признак, потому что практически для любого инициативного хода найдется контекст, где этот ход окажется составной частью не самой инициативной стратегии [8. С. 218].

Чтобы «развести» социальную категорию лидерства и дискурсивную – инициативы, М.Л. Макаров ссылается на пример: трехлетний ребенок задает маме вопрос за вопросом, изучая окружающий мир. Социальная психология считает лидером в этом минисоциуме маму. Но дискурс свидетельствует о том, что вопросы ребенка предопределяют ход коммуникации, ее тему, структуру обменов и т.п. В таком взаимодействии именно ребенок владеет коммуникативной инициативой. Но это возможно только в той мере, в какой это позволяет мать: она фактически в любой момент может изменить ход интеракции и взять инициативу в свои руки [Там же. С. 222–223].

Таким образом, инициативные стратегии социально-психологического лидера в группе, высшего по роли и статусу, предполагают установление норм или их умышленное нарушение и функцию контроля за их соблюдением [Там же. С. 221] и узнаются по признаку способности (возможности и полномочий) регулировать динамику коммуникативной инициативы другого. Учитывая высокий уровень конспирации и обеспечения безопасности преступной деятельности, эта речевая стратегия организатора преступной деятельности может выражаться в «неявном доминировании», которое имеет максимально лаконичные дискурсивные формы.

В связи с этим при экспертной работе с большими объемами фонограмм исследование факторов коммуникативной активности и волеизъявлений говорящих должно быть максимально оптимизировано, и это смещает фокус методики с подчас избыточного описания языковых средств, используемых в речевых ходах дискурса коммуникации, на цель моделирования конфигурации коммуникативной сети преступного сообщества (преступной организации), отражающей его / ее иерархическую и статусную структуру. Данный результат мы предлагаем достигать, опираясь на безусловно характерные, отличительные диагностические признаки.

Учитывая, что степень адекватности и объективности результатов исследования повышается при задействовании более глубокого уровня единиц – носителей смысла: слово – высказывание – текст, слово – контекст – ситуация, речевое произведение – речевое действие (речевое событие, речевой акт) [7. С. 25], при проведении лингвистической экспертизы групповой коммуникации целесообразно задействовать методологический аппарат организационной лингвистики, лингвистически ориентированные методы теории систем и теории речевых актов.

Уголовно-правовая и криминалистическая характеристики организации преступного сообщества (преступной организации) показывают, что этот термин, используемый законодателем при формулировании ряда статей УК РФ, напрямую коррелирует с пониманием организации, сложившимся в рамках теории организации и теории систем.

Понятие «организация», в данном случае, шире понятия «юридическое лицо» и обозначает социально-экономическую общность, которая обладает экономической самостоятельностью и сложной структурой, приобретает черты и качества инициатора социального взаимодействия, является способом социальной интеграции работников, которых объединяют целесообразное речевое поведение для достижения общей цели и наличие иерархизированной структуры коммуникаций [9. С. 90].

Междисциплинарные связи лингвистики и теории организации обусловили формирование с 70-х гг. XX в. области науки, ориентированной на применение в деловой практике – изучении организаций. Организационная лингвистика – направление прикладного языкознания, объектом которого является языковая среда организации, а предметом – организационный дискурс как речевая деятельность, отражающая природу и структуру организации, процесс взаимодействия и взаимовлияния сотрудников, результатом чего является совместный труд и его осмысление, а также изменение самих участников процесса [Там же. С. 93].

Основным методом данного подхода является мониторинг системы коммуникаций в организации с применением дискурс-анализа. Дискурс групповой коммуникации рассматривается как «протекающая в реальных координатах пространства и времени, ситуативно и социально обусловленная коммуникативная деятельность, где точкой отсчета выступает языковая личность» [10. С. 180], что включает в себя интеракцию посредством как устной речи (телефонные и иные разговоры), так и информационного обмена сообщениями с помощью технических средств. При изучении дискурса речевого поведения группы лиц как объекта экспертизы существенное внимание будет направлено на моделирование компонентов коммуникативного акта, влияющих на устойчивость и вариативность языковых средств [11. С. 25], поскольку для обнаружения устойчивых речевых признаков статуса говорящих экспертный интерес представляет речевое поведение, которое автоматизируется в типичной повторяющейся ситуации общения [12].

Эволюция понятия «коммуникация» применительно к организации привела к самому широкому пониманию этого явления – от средства передачи информации до условия функционирования организации. «Изначально этот феномен понимался как средство, с помощью которого индивидуальная активность членов организации координируется и позволяет достичь организационных целей. Затем последовало определение коммуникации как центрального процесса в организации. Новейшее понимание коммуникации находит выражение в ее трактовке как основания для создания организации. Организации посто-

янно адаптируются к изменяющимся экономическим условиям, перестраивая свои структуры, что отражается и на процессах коммуникации: они одновременно и следуют за новыми организационными структурами, и способствуют их созданию» [13].

Организационная структура – это взаимосвязь различных функций или видов деятельности выполняемых сотрудниками организации, которая соответствует организационным целям и задачам, приспособлена к ним. Она проявляется через разделение труда, создание специализированных подразделений, иерархию должностей, внутриорганизационные процедуры и является необходимым элементом эффективной организации, поскольку придает ей внутреннюю стабильность и позволяет добиться определенного порядка в воспроизводстве / распределении организационных ресурсов. Ее неотъемлемой характеристикой является степень иерархичности как величина расстояния (число уровней) между высшим и низшим звеном организации.

Теория организации (менеджмента) давно «стоит» на том, что бизнес, как все сферы деятельности, осуществляется через вербальную коммуникацию, которая буквально пронизывает любую организацию, по сути определяя и формируя ее тело, подразделения и функции [14. С. 82]. Как подчеркивает Б.-Л. Гуннарссон, «изучение коммуникации в крупных организациях показывает сложную и многомерную картину соответствия между организационной структурой и дискурсом коммуникации. Крупные организации функционируют посредством разнообразных социальных конструкций с различными иерархическими структурами, ценностями, познаниями и культурами, при этом социолингвистические типы дискурса частично перекрываются и переплетаются, превращаясь в сложную и многослойную структуру дискурса. Чтобы понять коммуникацию в крупных организациях, нужно рассмотреть интеракцию в разных уровнях» [15. С. 124].

Традиционная концепция организации подчеркивала важность структуры, иерархических взаимосвязей, власти, специализации, принципа объема контроля, взаимоотношений подсистем организации и была дополнена формированием понятия организации как открытой, находящейся в состоянии постоянно меняющегося равновесия системы, включающей иерархическую сеть взаимозависимых частей и переменных, созданных для выполнения специальных функций, которыми являются отдельные личности, неформальные группы, отношения между группами, формальная структура и в некоторых случаях – внешние системы, оказывающие прямое воздействие на организацию [16. С. 23–160, 363–478]. Согласно теории систем анатомию организации следует изучать по распределению и размещению функций принятия решений.

Поведение организации по отношению к внешнему миру определяется процессом решения проблем и механизмом выработки решений, который включает три этапа: информацию – оценку обстановки для определения условий, которые надо знать для приня-

тия решения; проектирование – поиск, разработка и анализ возможных вариантов действий; выбор – отбор одного направления альтернативных действий. Организация как система для принятия решений включает в качестве необходимых элементов информацию, цели, стратегию, альтернативы, возможности и последствия.

Решение может быть представлено как процесс связи или ряд отдельных взаимосвязанных случаев связи, так как основывается на сложном процессе комбинирования информационных сообщений, полученных из разных источников, и имеет своим результатом также передачу выработанного сообщения. Поэтому процессы принятия решений и процессы связи в организации настолько взаимозависимы, что становятся практически неразделимыми: любое исследование связи неизбежно включает рассмотрение процесса принятия решений и наоборот. Административное руководство организацией, рассматриваемое как процесс принятия решений, также можно представить как процесс связи: тип управления формирует конфигурацию сетей связи в коллективах, имеющих разные размеры, форму и степень сплоченности и стабильности.

Исходя из этого иерархия процессов принятия решений является основой, а система связи, т.е. поток информации, направленный к точкам принятия решений на всех уровнях организации и обеспечивающий необходимые для этого данные, – главным элементом организации как интегрированной информационно-решающей системы, которая определяет взаимоотношения сотрудников и устанавливает, кто несет ответственность за те или иные виды решений [16. С. 98].

Системы информационного потока (сети связи), системы принятия решений и регулирующие механизмы обеспечивают координацию и соединение частей организации в синхронизированное целое на основе постоянного функционирования взаимных связей между ее элементами и в совокупности составляют единую конфигурацию сетей коммуникации.

Коммуникативную модель организации (структуру и морфологию организационной коммуникации) можно представить таким образом:

- 1) участники коммуникации;
- 2) особые ситуации коммуникации;
- 3) специфические способы и языковые средства коммуникации;
- 4) пересечение вертикальных и горизонтальных направлений коммуникации, обусловленное характером организации [9. С. 92].

Коммуникативная сеть (сеть связи) организации приспособлена для решения управленческих и производственных задач и представляет собой соединение участников коммуникации с помощью информационных потоков. Каждый коммуникационный канал – единичное перемещение информации – имеет следующие признаки: тип канала связи; проблематика (к какой сфере деятельности относится информация); адресат и адресант; периодичность (частота передачи информации). Конфигурация коммуникативной сети, обусловленная потоками специальных сообщений между подразделениями и лицами в организационной

иерархии, показывает, насколько усложнена организационная структура.

Лингвистически ориентированный анализ коммуникативной сети организации мы предлагаем выполнять на основе следующих процедур:

1. Предоставленный эксперту дискурс полного коммуникативного взаимодействия, зафиксированный на материальном носителе, разделяется на набор парциальных коммуникативных взаимодействий, среди которых по содержанию выделяются значимые связи, оказывающие наибольшее влияние на деятельность организации.

Полное коммуникативное взаимодействие – это совокупность всех взаимодействий и взаимоотношений человека, в которые он вступает с окружающими людьми при выполнении своих функциональных обязанностей в организации. Учитывая технические приемы записи негласно прослушиваемых телефонных переговоров, зачастую речевой материал фиксируется и предоставляется эксперту в формате полного ежедневного коммуникативного взаимодействия человека А с кругом контактирующих с ним лиц за определенный период времени. Для анализа групповой коммуникации и моделирования коммуникативной сети организационного дискурса необходимо отобразить контекст полного коммуникативного взаимодействия в виде набора парциальных коммуникативных взаимодействий.

Парциальное коммуникативное взаимодействие – это совокупность всех состоявшихся на данный момент коммуникативных актов и диалогов, включая и их результаты, человека А с одним и тем же конкретным человеком В. Дискурс парциального коммуникативного взаимодействия дает возможность проследить направления коммуникационных потоков и содержание каждого конкретного канала внутриорганизационного делового общения с тем, чтобы впоследствии моделировать структуру групповой коммуникации, т.е. коммуникативную сеть, в разрезе статусов, функций и ролей говорящих.

2. Путем сопоставления ситуативно-коммуникативных ролей говорящих, выражающих семантическую категорию статуса в группе, и экспликации речевого действия «Запроса на принятие решения» выявляется конфигурация коммуникативной сети организации, состоящая из точек принятия решений и информационных потоков по направлению к ним.

Эксплицируем речевое действие «Запрос на принятие решения» на материале интеракции лиц А и В, происходящей в рамках совместной деятельности по организации и проведению азартных игр:

1) А: Да, Вован? / В: Аллэ, Вован. Чё, короче на Киевской чисто всё. Я Кате сказал, / А: Я понял. Она мне уже позвонила. / В: Это, чё я подумал, может на недельку еще пока выставить в день? Раз такая ситуация? На Киевской. / А: Можно, так-то. Если есть, кого позвать, давай доставим завтра, послезавтра. / В: Так есть что, найдем. / А: Давай. / В: Я думаю, сижусь, что это, чтобы поспокойнее чувствовать себя. / А: Давай поставим не вопрос, можно //

2) А: Алло, Вован, / В: Алло, Вовка, что, бабки на Киевской, да, братъ? / А: Да / В: Слушай, это, что, надо порешать, что как парням платить. Работы много так-то. Мы уже два часа только грузимся. / А: Не обидеть их соорентируйся чтоб //

3) А: Ты Лехе намери. Я сегодня закину процессор на Киевскую. Пусть он хотя бы основное-то подключит. / В: Нет, основное-то без проблем, давай, конечно. А на Мае что? / А: На Мае-то чего не хватает, камеры, да? / В: Там вообще ничего нету / А: Май пока пусть под вопросом. А Киевскую, давай, сделаем, / В: Давай, Я тоже сейчас в город поеду. Так что давай, если что, пересечемся, / А: Ты намери его в ближайшее время. Я сегодня вечером поеду, завезу туда проц, пусть там будет, / В: Хорошо, понял //

4) В: Я в зале. Что им говорить, как работать? / А: Что там, смотрят? / В: Ну сейчас пока нет, отъехали. / А: Как только кто-нибудь приедет, пускай аппараты выключают / В: Понятно, А пока что, людей пускать или что? Если будут идти. / А: Давай, сегодня нет. Давай сегодня вообще закроем их. / В: Ну я тоже что-то думаю, от греха. / А: Но какая-то х**ня //

5) А: Да, Вован. / В: Вовка. Слушай, я что думаю, они вот у кафешки стоят, мы сейчас туда подъедем. Может такое быть, допустим, что он отъедет на чуть-чуть. Я знаешь что подумал, а если заказать газельки и прямо загонять в зал их. / А: Нет / В: Не вариант? / А: Мы поругаемся с владельцами тогда. / В: Ну не знаю. / А: Не залипай, если стоят, не надо ничего делать, лучше на завтра перенести, и всё, на х** надо. / В: Так не суть, что они завтра не будут смотреть, понимаешь. / А: Ну, послезавтра тогда вывезем. / В: Понятно, Вован. Ну, ладно //

6) В: Алло, Вовка, не лег еще? / А: Нет. / В: Да сижусь, что-то кумекаю, короче. В общем, полчаса назад они уехали мусора. / А: Ага. / В: Вот, пока их нет. Я просто думаю, что вообще и как делать, Ну, просто так вот анализирую, что они могут подъехать к пересменке, да? / А: Ага. / В: Посмотреть. И что вообще делать, то есть как делать вообще, сижусь и думаю, чтобы нам не встять, когда будем перевозить. Ты когда вообще хочешь зал открывать? / А: Завтра. Я, Вова, не могу с тобой по телефону эти темы обсуждать, я же тебе говорил. / В: Понятно, ну просто это, чтобы чуть что я не знаю, завтра будем делать или не будем, вот в чем вопрос, / А: Всё, я понял твой вопрос. Ты спать не будешь в ближайшее время? / В: Нет. / А: Я заеду позже //

7) В: Алло, Вовка. А ты от старого склада ключ сдал? / А: Нет еще. / В: Я просто сейчас что-то такая идея это, я просто думаю может туда их выкинуть, и пускай, через несколько часов забрать. / А: Да нет, не надо. / В: Не надо? / А: Смысл? Я тоже подумал об этом, Да пусть туда едет, возле ворот вообще пускай встанет. / В: Дак а этот тоже может сутки стоять, а время-то идет. / А: Х** с ним. Главное чтоб он аппараты не забрал, / В: Они просто хотят узнать вообще, где у нас склад, и да... они вообще хотят узнать, куда мы их повезли, / А: Но. /

*В: Б**дь! Ну, короче, думаешь, не стоит, да, так делать? Просто сюда подъезжать и все? / А: Ага. / В: Понятно. Ну, ладно, ладно. Смотри, Вован, думай, короче, тоже и скажи./ А: Ну пока вот так. Да пускай вообще к воротам подъедет, там где-нибудь достоит, и все //*

Для выявления речевого действия «Запрос на принятие решения» и последующей идентификации восходящего потока коммуникации – от нижнего уровня в организационной иерархии к более высокому – требуется определить структуру диалога и ее основные элементы. Структура коммуникации между участниками диалогов состоит из элементов-этапов:

- 1) установление контакта (приветствие, причина звонка);
- 2) сообщение и обсуждение проблемы, требующей разрешения в виде принятия решения о выборе одного из альтернативных действий;
- 3) проектирование и анализ возможных вариантов действий;
- 4) запрос на принятие решения со стороны одного из участников разговора к другому;
- 5) принятие решения в виде выбора одного направления альтернативных действий;
- 6) завершение разговора.

Объяснительные возможности теории речевых актов применительно к судебной лингвистической экспертизе для описания структуры и свойств отдельных видов речевых произведений-действий описываются К.И. Бриневым [17. С. 131–142, 180–183, 188–190].

Опишем модель речевого действия «Запрос на принятие решения»:

Участник 1 – запрашивающий решение, **Участник 2** – принимающий решение.

Иллокутивная цель. Участник 1, излагая информацию о проблемной ситуации, касающейся общего дела участников разговора, проекты возможных вариантов своих действий для ее разрешения и произнося запрос на принятие решения в виде выбора одного направления альтернативных действий (разновидность рогатива, исходя из классификации Дж. Лича), делает это для того, чтобы побудить Участника 2 к ментальному действию – принятию решения о выборе одного направления альтернативных действий для разрешения проблемной ситуации – и к вербальному действию – директиве в адрес Участника 1, в своей пропозиции содержащей выбранный вариант действий Участника 1 для разрешения проблемной ситуации.

Условие искренности. Участник 1 знает, что сам не может оценить обстановку для определения условий, необходимых для принятия данного решения, и / или не уполномочен на это и что Участник 2 знает условия для принятия данного решения и / или уполномочен на это. Участник 1 хочет, чтобы цель в виде принятия решения о выборе одного направления альтернативных действий для разрешения проблемной ситуации была достигнута, а именно, чтобы Участник 2 принял решение, тем самым взяв на себя ответственность за него, и в директивной форме обратил данное решение к исполнению Участником 1. Перлокутивный эффект директивы, основанной на приня-

том решении, со стороны Участника 2 в адрес Участника 1 обязателен вне зависимости от лингвопрагматической характеристики obligatorности исполнения (директивный РА может быть слабым по форме – с использованием лексем «давай», «пускай» и подобных, но речевое поведение Участника 1 отражает однозначное подтверждение намерения исполнения прескрипции типа «Ладно», «Понятно», «Хорошо»).

Условия успешности. Для Участника 1 и Участника 2 неочевидно, что принятие решения по проблемной ситуации в виде выбора одного направления альтернативных действий, к чему Участник 1 побуждает Участника 2, произойдет само собой (без изложения Участником 1 информации о проблемной ситуации, возможных вариантов действий Участника 1 для ее разрешения и побуждения Участника 2 к тому, чтобы он принял решение и в директивной форме обратил его к исполнению Участником 1).

Высказывание «вопрос на побуждение» (императивный вопрос). Вопрос на побуждение отличается от побудительного вопроса тем, что во втором случае побуждение касается адресата (*Не закрыть ли тебе дверь? = Закрой дверь*), а в первом случае – автора вопроса (*Закреть дверь? = Реши и скажи, закрыть мне дверь или нет. Не подарить ли ему щенка? = Реши и скажи, подарить мне ему щенка или нет. Купить или не покупать? = Реши и скажи, купить мне или не покупать*). Вопросительное высказывание, выражающее побуждение слушающего к выполнению определенных действий: ментального действия – принятия решения и вербального действия – обращения данного решения к исполнению посредством директива. В ядерных случаях это сложное высказывание, объединяющее: репрезентатив с информацией о ситуации; частновопросительное предложение об отдельной стороне ситуации, или альтернативный вопрос, предполагающий выбор одного из двух (или нескольких) действий (*Что им говорить, как работать?*); лексические средства побудительного характера или способные выступать в функции побуждения (инфинитивные конструкции типа «*Надо порешать*», «*Подумай*», «*Думай и скажи*» и пр., конструкции, активизирующие внимание адресата «*Будем делать или не будем, вот в чем вопрос*», «*Как думаешь?*» и подобные).

Условие ущерба. Нарушение условий искренности и условий успешности.

С позиции адресанта **структура речевого действия «Запрос на принятие решения»** будет иметь вид:

1) знаю информацию о проблемной ситуации X, касающейся нашего общего дела, в которой возможен ряд вариантов моих действий для ее разрешения;

2) знаю, что я сам не могу оценить обстановку для определения условий, необходимых для принятия решения Y в виде выбора одного направления моих альтернативных действий по проблемной ситуации X, касающейся нашего общего дела, и / или не уполномочен на это;

3) знаю, что ты знаешь условия для принятия решения Y в виде выбора одного направления моих альтернативных действий по проблемной ситуации X, касающейся нашего общего дела, и / или уполномочен на это;

4) хочу, чтобы цель в виде принятия решения Y о выборе одного направления моих альтернативных действий по проблемной ситуации X , касающейся нашего общего

дела, была достигнута, а именно чтобы ты принял решение, тем самым взяв на себя ответственность за него, и в директивной форме обратил его к исполнению мною;

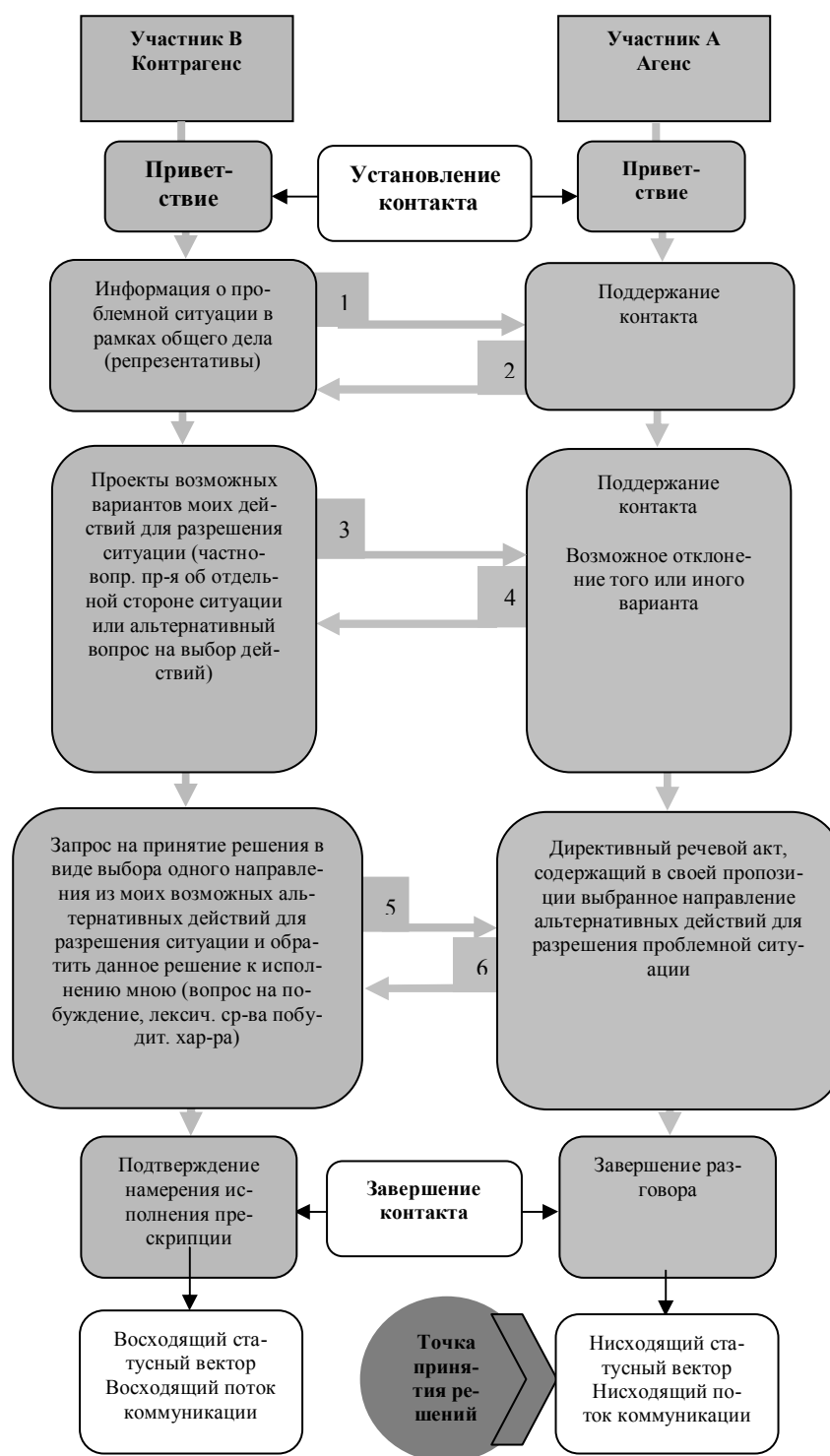

Рис. 1. Структура речевого действия «Запрос на принятие решения» в потоке восходящей коммуникации

5) знаю, что для того чтобы была достигнута цель в виде принятия решения Y о выборе одного направления моих альтернативных действий по проблемной ситуации X , касающейся нашего общего дела, необходимо изложить тебе информацию об этом;

6) знаю, что если изложу тебе информацию о проблемной ситуации X , касающейся нашего общего дела, а также проекты возможных вариантов моих действий для ее разрешения и спрошу твоего решения в виде выбора одного направления моих альтернатив-

ных действий, возможно, что ты примешь это решение У, тем самым взяв на себя ответственность за него, и в директивной форме обратишь его к исполнению мною;

7) говорю тебе: есть информация о проблемной ситуации Х, касающейся нашего общего дела, в которой возможен ряд вариантов моих действий для ее разрешения, и необходимо, чтобы ты принял решение У и обратил его к исполнению мною;

8) говорю это тебе для того, чтобы ты принял решение У о выборе одного направления из ряда моих альтернативных действий для разрешения проблемной ситуации Х, касающейся нашего общего дела, тем самым взяв на себя ответственность за него, и обратил данное решение к исполнению мною.

Экстраполируя разработанную операциональную модель на материал семи фрагментов дискурса, с минимально возможной погрешностью определяем, что речевое действие «Запрос на принятие решения» регулярно присутствует в речи коммуниканта В в адрес коммуниканта А в рамках дискурса о совместной деятельности этих лиц. Следовательно, точкой принятия решения в конфигурации коммуникационной сети является участник А. Информационный поток от участника В к участнику А – восходящий, с восходящим статусным вектором говорящего, т.е. направлен от более низкого уровня в иерархии принятия решений (организационной иерархии), на котором находится участник В, к более высокому, на котором находится участник А (см. рис. 1).

Подводя итог, не вызывает сомнения необходимость разработки объемной модульной методики лингвистической экспертизы групповой коммуникации с высокой разрешающей способностью, ориентированной именно на коммуникативную модель пре-

ступного сообщества (преступной организации) как наиболее сложной и высокоразвитой деятельностной криминальной структуры по сравнению с группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

В целях оптимизации работы эксперта, достижения объективного и верифицируемого научного результата, релевантного относительно задач расследования, для лингвистического исследования дискурса коммуникации в преступном сообществе (преступной организации) целесообразно задействовать адаптированный методологический подход организационной лингвистики и лингвистически ориентированные методы теории систем.

Достижение значимого практического результата, на наш взгляд, заключается в том, что анализ речевых признаков статусного положения, функций и ролевого соотношения говорящих в рамках совместной деятельности воплощается в наглядную и наукоемкую модель конфигурации коммуникативной сети, которая отражает иерархическую организационную структуру группы, состоящую из разноуровневых точек принятия решений и информационных потоков к ним.

Высокими объяснительными возможностями теории речевых актов в анализе прагмалингвистической составляющей групповой коммуникации обусловлена эффективность предлагаемого нами приема выявления речевого действия «Запрос на принятие решения», которое способно иметь значение системного и, безусловно, характерного диагностического признака для идентификации восходящих и нисходящих статусных векторов говорящих и точек принятия решения в коммуникативной сети преступного сообщества (преступной организации).

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (с изменениями на 13.07.2015). URL: <http://docs.cntd.ru/document/ugolovnyj-kodeks-rf-uk-rf> (дата обращения: 19.07.2015).
2. Основы борьбы с организованной преступностью / под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. М.: ИНФРА-М, 2009. 397 с.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)». URL: <http://docs.cntd.ru/document/902220495> (дата обращения: 19.07.2015).
4. Азапов П.В. Основы противодействия организованной преступной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 61 с.
5. Мамаев Н.Ю. К вопросу построения инвариантной контекстуальной структуры для проведения лингвососемантического анализа спорных разговоров // Юрислингвистика. 2007. № 8. С. 359–370.
6. Балахи М.А., Коряковцев А.В. Практика использования лингвистической экспертизы при доказывании совершения наркопреступлений группой лиц // Юрислингвистика. 2012. № 1 (12). С. 111–116.
7. Голев Н.Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. 2001. № 3. С. 14–29.
8. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
9. Харченко Е.В., Шкатова Л.А. «Организационная лингвистика»: миф или реальность? // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 17 (155). Филология. Искусствоведение. Вып. 32. С. 90–94.
10. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. 3-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 320 с.
11. Галяшина Е.И. Методологические основы судебного речеведения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 48 с.
12. Матвеева Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993. 32 с.
13. Jones E., Watson B., Gardner J. Organizational Communication: Challenges for the New Century // Journal of Communication. December 2004. P. 722–750.
14. Персикова Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура. М.: Логос, 2002. 223 с.
15. Gunnarsson B.-L. Discourse in Organizations and Workplaces // Contemporary Applied Linguistics. Vol. 2: Linguistics for the Real World. N.Y.: Continuum International Publishing Group, 2009. P. 122–142.
16. Джонсон Р., Каст Ф., Розенцвейг Д. Системы и руководство / в пер. И.М. Михайлова, Ю.Т. Печатникова, А.Б. Энтина ; под ред. Ю.В. Гаврилова, Ю.Т. Печатникова. М.: Сов. радио, 1971. 648 с.
17. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2010. 363 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 12 августа 2015 г.

THE CONCEPT OF SPEECH ACT "REQUEST FOR DECISION MAKING" IN FORENSIC DISCOURSE ANALYSIS FOR INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED BY ORGANIZED CRIME GROUPS

Tomsk State University Journal, 2015, 398, 5–14. DOI: 10.17223/15617793/398/1

Belskaya Nicole S. Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: nicole_belskaya@mail.ru

Keywords: forensic linguistics; corporate crime (crime organization); speech act theory; discourse theory; organizational linguistics; speech act "Request for Decision Making"; group communication; status and roles in group; group communication network.

The article focuses on discourse in crime organizations and emphasizes the complexity and diversity of communication in modern corporate crime groups. Research methods of forensic linguistics in this area must be focused on the identification of: a) a concept of joint activity of a crime group; b) speech features of group communication in an organization; c) speech features of a status hierarchical situation, functions and roles of participants within intra-group communication. Correspondence between an organizational structure and discourse is seen here as a two-way relationship. Creating texts (written, spoken and computer-mediated) forms an important part of an organization's work. Texts are influenced by the social context, thus reflecting the organization and its social structure, values, knowledge and culture. But texts also play a role in establishing various social dimensions of the organization. In close-knit workplace groups there is an obvious connection between the social and the communicative plane too. The group structure is reflected in the communicative organization: the hierarchical social structure is reflected in communicative patterns relating to influence and supervision. Discourse reflects social organizational patterns and also plays part in the construction of the 'organizational self', in the shaping of the organization. This article describes the concept and the structure of speech act "Request for Decision Making" in forensic linguistics research. The explication of this speech act is used for analysis of roles and status as interaction competencies in organizational discourse. Procedure of speech act detection is offered as a prospective operational research method of modeling the hierarchy configuration of a communicative network founded on the information streams and decision-making functions. It helps distinguish the basic traits of discourse in varied forms of the organization. Though many traditional linguistic indicators of intra-group communication are not informative for organizational discourse, with a theoretical orientation towards sociolinguistics, discourse analysis, speech act theory, organizational linguistics and organization network theory, these researchers have sketched the frames which influence discourse at various levels within organizations. This approach is determined by law enforcement officials' need for expert studying of status hierarchy, roles and functions of crime group members to help prove their fault.

REFERENCES

1. Russian Federation (1996). *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 g. № 63-FZ (s izmeneniyami na 13.07.2015)* [The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996, no. 63-FZ (as amended on 13.07.2015)]. [Online]. Available from: <http://docs.cntd.ru/document/ugolovnyj-kodeks-rf-uk-rf>. (Accessed: 19th July 2015).
2. Ovchinskiy, V.S., Eminov, V.E. & Yablokov, N.P. (eds) (2009) *Osnovy bor'by s organizovannoy prestupnost'yu* [Basis of the fight against organized crime]. Moscow: INFRA-M.
3. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation (2010) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 10.06.2010 g. № 12 "O sudebnoy praktike rassmotreniya ugolovnykh del ob organizatsii prestupnogo soobshchestva (prestupnoy organizatsii) ili uchastii v nem (ney)"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.06.2010 no. 12 "On judicial practice in criminal cases on the organization of a criminal group (criminal organization), or participation in it"]. [Online]. Available from: <http://docs.cntd.ru/document/902220495>. (Accessed: 19th July 2015).
4. Agapov, P.V. (2013) *Osnovy protivodeystviya organizovannoy prestupnoy deyatel'nosti* [Framework for combating organized crime]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
5. Mamaev, N.Yu. (2007) K voprosu postroeniya invariantnoy kontekstual'noy struktury dlya provedeniya lingvosemanticheskogo analiza spornykh razgovorov [On the question of constructing an invariant contextual framework for linguosemantic analysis of disputes]. *Yurilingvistika*. 8. pp. 359–370.
6. Balash, M.A. & Koryakovtsev, A.V. (2012) The practice of using the linguistic expertise while proving drug crimes committed by the group of persons. *Yurilingvistika*. 1 (12). pp. 111–116. (In Russian).
7. Golev, N.D. (2001) Ob ob"ektivnosti i legitimnosti istochnikov lingvisticheskoy ekspertizy [On the fairness and legitimacy of the source of linguistic expertise]. *Yurilingvistika*. 3. pp. 14–29.
8. Makarov, M.L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the theory of discourse]. Moscow: Gnozis.
9. Kharchenko, E.V. & Shkatova, L.A. (2009) "Organizatsionnaya lingvistika": mif ili real'nost'? ["Organizational linguistics": Myth or Reality?]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Chelyabinsk State University Bulletin*. 17 (155). pp. 90–94.
10. Borisova, I.N. (2009) *Russkiy razgovornyy dialog: Struktura i dinamika* [Russian spoken dialogue: structure and dynamics]. 3rd ed. Moscow: Librokom.
11. Galyashina, E.I. (2003) *Metodologicheskie osnovy sudebnogo rechevedeniya* [Methodological bases of judicial speech study]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
12. Matveeva, G.G. (1993) *Skrytye grammaticheskie znacheniya i identifikatsiya sotsial'nogo litsa ("portreta") govoryashchego* [Hidden grammatical meanings and identification of a social image ("portrait") of the speaker]. Abstract of Law Dr. Diss. St. Petersburg.
13. Jones, E., Watson, B. & Gardner, J. (2004) Organizational Communication: Challenges for the New Century. *Journal of Communication*. December. pp. 722–750. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2004.tb02652.x
14. Persikova, T.N. (2002) *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i korporativnaya kul'tura* [Intercultural communication and corporate culture]. Moscow: Logos.
15. Gunnarsson, B.-L. (2009) Discourse in Organizations and Workplaces. In: Wei, L. & Cook, V. (eds) *Contemporary Applied Linguistics*. Vol. 2: *Linguistics for the Real World*. N.Y.: Continuum International Publishing Group.
16. Johnson, R., Kast, F. & Rosenzweig, D. (1971) *Sistemy i rukovodstvo* [Systems and management]. Translated by I.M. Mikhaylov, Yu.T. Pechatnikov, A.B. Entin. Moscow: Sovetskoe radio.
17. Brinev, K.I. (2010) *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza* [Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise]. Philology Dr. Diss. Kemerovo.

Received: 12 August 2015